

18+

Николоз Дроздов

ДВЕ ПОВЕСТИ
о любви и отчаянии

Николоз Дроздов

Две повести

о любви и отчаянии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41257083

ISBN 9785449622976

Аннотация

Пожалуй, это лотерея – твоя первая любовь. Она как две стороны монетки. Вышла решка – это самое сладострастное чувство. Вышел орел – тогда это какое-то наваждение. А если монета встанет ребром? Молодой человек просыпается в постели незнакомой девушки. Глюк или явь? Да и в чем, собственно, разница? Когда все вокруг не соответствует собственным представлениям о гармонии мира, недугом «потери идентичности» может быть повержен каждый.

Содержание

ЛЮБОВЬ, ПОХОЖАЯ НА СОН...	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	64
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Две повести о любви и отчаянии

Николоз Дроздов

Дизайнер обложки Тая Королькова

© Николоз Дроздов, 2023

© Тая Королькова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4496-2297-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЮБОВЬ, ПОХОЖАЯ НА СОН...

Глава 1

Древние мифы, оказывается, не ввали, утверждая, что красивейшая среди всех богинь возникла из морской пены. Теперь я был в этом уверен, собственными глазами увидев ее, выходящую на берег.

Прекрасное в своем естестве, удивительно пластичное, подобно скульптурным девам античности, доведенное природой до совершенства тело, будто вытесанное каким-то древним греком из паросского мрамора. Хотя можно было также предположить, что соткано оно некими фамильными мастерами из особых сортов китайского шелка – такой гладкой и нежной была ее кожа. Прямые, длинные, ниспадающие ниже плеч роскошные каштановые волосы, не голубые, а темно-синие, цвета моря глаза, симметричные, чувственные губы и идеальное лицо красавицы, точно сошедшей с полотен живописцев эпохи Возрождения. Это было нечто.

Я стоял как истукан и смотрел на нее разинув рот, не в состоянии шелохнуться, и, наверное, не сдвинулся бы с места даже под угрозой немедленного расстрела. Когда это неземное создание поравнялось со мной, наконец-то меня заметив, то оно вдруг произнесло:

– Чего уставился, тудила?!

Рот у меня раскрылся еще шире и не закрывался довольно долго.

* * *

Именно так начался первый день моей взрослой и самостоятельной жизни.

Мне было неполных семнадцать, месяц назад я окончил школу. Учеба, честно говоря, никогда не доставляла мне особого удовольствия, да я особенно и не старался, но где-то с восьмого класса вдруг возомнил, что наделен литературным даром, и стал сочинять рассказы. Показал пару из них старшему брату, чем немного его озадачил. Повертев бумажки в руке, он изрек: «Я думал, ты даже своей фамилии правильно написать не можешь». Более лестного отзыва о своем творчестве услышать мне не довелось. Раз, на каком-то школьном торжестве, решил рискнуть и вызвался на публичный дебют. Выбрал, как мне казалось, лучшую свою новеллу. Когда закончил чтение, встретило меня гробовое молчание и полное недоумение зала. Не знаю, что удивило слушателей больше: то, что я вообще читать умел, или же то, что за хреновину им прочел. Во всяком случае, от дальнейших публичных выступлений я отказался, как и от литературных опытов в целом, тем более что к тому времени уже бредил кинематографом и к моменту получения аттестата

зрелости на все предложения родителей сдать экзамены в какой-нибудь институт отвечал непреклонным отказом и просил лишь одного: устроить на работу в «Грузия-Фильм». Любую.

Что им оставалось делать – скрепя сердце они малость постарались, и я, таким образом, был определен помощником к Сократу Джорджия, режиссеру весом в центнер с лишним, снимавшему свою дебютную короткометражку «Трое у моря». Группа его уже находилась на съемках в Алахадзе, диком уголке абхазского побережья с сосновым бором на берегу, и я ему, в помощниках вроде бы не нуждавшемуся, свалился как снег на голову в середине лета. Немного подумав, он определил мои полномочия: я должен был будить гримершу в шесть утра и отводить к актерам с интервалом в четверть часа. В семь начинались режимные съемки, пока солнце стояло невысоко, в середине дня они прерывались и возобновлялись уже под вечер, ближе к закату. Гостиницы как таковой в деревне быть не могло, мы снимали комнаты в частных домах, благо, до любого из них было рукой подать, проблемой оставался подъем ранним утром под звон будильника, который, треща во всю мощь, лишал сна не только меня одного. И Юра, помощник оператора, в комнату к которому меня подселили, и костюмерша Софья, квартировавшая за стеной, благодаря безотказному действию этого акустического агрегата равнозначно меня возненавидели.

Сценарий фильма, экземпляр которого мне вручили, ока-

зался полным отстойником. По сюжету в летние каникулы на море двое молодых людей поочередно пытались прельстить прекрасную незнакомку. Один из них был атлетически сложенным, но совершенно недалеким, самовлюбленным красавчиком, другой – вдумчивым, серьезным и весьма эрудированным, но на вид неприметным очкариком. Девушка поначалу вроде бы симпатизировала первому, однако, убеждаясь по ходу действия в его никчемности и пустоте, отдавала свое сердце второму, высокоморальному и очень правильному юноше. Диалоги в этом эталоне драматургического совершенства мало чем походили на разговорную речь моих сверстников. Со сленгом супермена вроде было еще ничего, а вот тягомотина интеллигента, нашпигованная прописными истинами, никак не вязалась с ситуацией – действие ведь разворачивалось на пляже, а не на семинаре комсомольских активистов. От такого зануды девушке, следуя логике или интуиции, нужно было держаться подальше, лучше даже бежать от него со всех ног, почему она сделала все с точностью наоборот, так и осталось для меня загадкой. Как и вопрос, с какой стати автор сценария (вроде меня в восьмом классе) решил заняться именно литературой, а не чем-то иным, и вдобавок – что надоумило Сократа взяться за экранизацию этой абсолютнейшей глупости. Видимо, с головой у этих ребят было не все в порядке. Однако высказать свое мнение вслух я не решался.

Наша съемочная группа, интернациональная по соста-

ву, количеством тянула на целую роту. Директор картины с секретарем-машинисткой, заместителем, администратором, бухгалтером и кассиршей. Режиссер с двумя ассистентами и помощником в моем лице. Два актера и актриса с мамашей. Оператор с ассистентом, помощником и «кранмейстером», отвечающим за стрелу на операторском кране и за тележку с рельсами для плавных съемок проездов. Художник в единственном числе. Звукооператор с помощником, гримерша, монтажница, костюмерша и реквизитор. Фотограф. Квартет бригады осветителей с прожекторами и бесчисленными связками кабелей. Пятеро водителей, обслуживающие два восьмиместных уазика, бортовой газик для транспортировки различного оборудования, тонваген – фургон с аппаратурой для записи звука и лихтваген – уродливое техническое чудо на колесах, генератор, вырабатывающий электрический ток для осветительных приборов. Плюс разнорабочие аборигены и массовка из числа отдыхающих.

Вот в такую попал я компанию в день своего дебюта в большом кино. С командировочным удостоверением в чемодане, прибывший на поезде в город Гагры и встреченный водителем уазика с открытым верхом, большим охотником почесать язык армянином по имени Вартан, был доставлен им прямо на место съемок. Именно там я молча и лице-зрел сцену, в которой героиня фильма, искупавшись, выходит из моря на берег. Чем она закончилась, известно.

Глава 2

Хотя в это трудно было поверить, но та, что показалась мне возникшей из морской пены небожительницей, оказалась девочкой всего пятнадцати лет от роду. Что я о ней подумал после того, как она нарекла меня тем самым словом, пожалуй, вряд ли стоит повторять. Потому что мое первое умозаключение, составленное в основном из подборки непечатных слов, было тоже не совсем справедливым.

Забегая вперед, скажу, что девочка эта, подобно Афродисии, также носящая античное имя – Медея, была не просто красивой. Сократ в свое время, заметив ее в уличной толпе, подобно мне, впал не то в ступор, не то в транс, хотя был родом из Батуми и на симпатичных девушек успел вдоволь насмотреться с самого детства. К тому же он заканчивал ВГИК, где учились все будущие кинозвезды. Но ничего подобного до сих пор не видел. Однако ему пришлось приложить максимум усилий и довести до нулевой отметки личный ресурс терпения, прежде чем он уломал ее сняться в этом идиотском фильме. В отличие от девчонок своего возраста, Медея к миру кино относилась с абсолютным равнодушием и шанс в одночасье стать кумиром всех сверстников и сверстниц воспринимала чуть ли не с иронией. Нельзя было однозначно назвать ее плохой или хорошей, она не была ни дрянью, ни тем более ангелом. В ней совершенно есте-

ственно уживались внешне божественно женственная натура и внутренняя вульгарность, какое-то мужланство, вырывающееся наружу, точно лава из кратера вулкана, как правило, в приступах внезапной и вроде бы беспричинной агрессии.

Возможно, последнее было защитной реакцией на тотальный интерес, проявляемый к ее особе представителями противоположного пола всех возрастов, без исключения. Тогда девочка, вместо того чтобы красоваться или кокетничать с ними, как это присуще женским особям, начинала действовать наоборот – показывать им свой оскал, наподобие волчицы или дикой собаки динго. Казалось, что ей не упрощала, а только усложняла жизнь собственная красота, она пыталась утвердиться вовсе не ею, а силой своего характера, стараясь сломать, обидеть, унижить, наказать, всецело подчинить своей воле каждого, кто имел несчастье ей чем-то не понравиться. Но всего этого я пока не знал и лишь поглядывал на нее издалека, не решаясь приблизиться, с равным чувством благоговения и неприязни, как на какую-то диковину.

Жизнь моя тем временем шла своим чередом. Я перезнакомился со всеми, вскоре утвердившись в качестве полноправного члена съемочной группы, нареченной Сократом «ударной фабрикой грез», хотя фабрика эта, по моим наблюдениям, работала уж точно не как отлаженный голливудский механизм, скорее, наподобие его антипода, со сбоями, накладками и курьезами. Однако мне было в радость позна-

вать новую жизнь, доселе совершенно неведомую. Итак, поднятый будильником на ноги ровно в шесть, я, наспех одевшись и умывшись, бежал будить гримершу, гарну дивчину, чуть старше меня, смешно выговаривавшую грузинские слова на свой украинский лад. Спустя минут пятнадцать мы с Галиной, которая, вышагивая впереди, оставляла за собой шлейф аромата свежести, в первую очередь отправлялись к Темуру, парню, который играл в фильме интеллигента. По причине, что наши визиты он воспринимал гораздо лояльнее, нежели его экранный соперник, которого в жизни звали Мераб. После визажа полусонного супермена уже без моего сопровождения Галя шла к взрывоопасной старлетке, и делала это она с такой охотой, будто ее ждала гильотина.

Далее, собрав наконец вместе дуэт актеров с актрисой, что казалось делом простым лишь тому, кто им никогда не занимался, я усаживал это трио в кабриолет Вартана. Адскому водиле оставалось покрыть расстояние примерно в двести метров, чтобы доставить нас до пляжа, где и проходили все съемки. Галина, отправляющаяся туда своим ходом, как правило, опережала наш моторизированный график минут на двадцать.

Съемочная площадка жила жизнью кочевого цыганского табора, временно решившего осесть в приглянувшемся месте. Меланхолический фотограф, нытик по имени Вилен – укороченное от «Владимир Ильич Ленин» – фиксировал рабочие моменты фильма. Обожавший всевозможные ракур-

сы, в объективе своего аппарата обычно он видел следующее.

Режиссер и художник, оба важно восседали на складных стульях. Тедо, долговязый, тощий и весьма экспрессивный, вечно жестикулирующий, делал в своем альбоме раскадрировки, демонстрируя их Сократу, который, по обыкновению, был в темных очках, дымил трубкой, сопя и утвердительно кивая головой. Ассистент Каца и помощник Юра, установив на штатив камеру для оператора Акакия, замеряли рулеткой расстояние от помеченных колышками на песке начальных и конечных точек движения актеров в кадре. Их действия вызывали протест помощника звукооператора Симона, который занимался тем же, определяя периметр чувствительности микрофона на жерди, которую он еле удерживал обеими руками.

Звукооператор Нэмо, визуальной особенностью которого была кривая шея с головой, от рождения повернутой чуть влево и вниз, настраивал аппаратуру в своем фургоне и орал оттуда своему помощнику: «Два шага влево!.. Теперь четыре вправо!..» Симон выполнял команды, неуклюже двигаясь с вытянутым «журавлем», и непременно сталкивался то с Каца, то с Юрой.

Акакий Захарович, самый старший по возрасту и самый немногословный в группе человек, сидел под зонтом, дающим тень камере, и чертил на песке какие-то каракули, думая о чем-то своем. Чуть поодаль от эпицентра главных событий четверка осветителей манипулировала фанерными

щитами с наклеенной на них фольгой, ловя солнечные лучи, и, хохоча, ослепляла ими друг друга. Двое из них, Виталик и Гога Биджамовы, были братьями, двое других, Битбуновы – просто однофамильцами. Все являлись представителями древнего и славного ассирийского этноса, носителями семейных традиций, продолжателями дела дедов и отцов, прельщенных в свое время престижностью данной профессии.

Были они ребятами уникальными, парадоксальными с точки зрения законов физических явлений, наподобие живых громоотводов. Их столько раз било током при исполнении своих служебных обязанностей, что они полностью к нему адаптировались. И если бы, не дай бог, кому-нибудь из них было суждено закончить свою жизнь на электрическом стуле, это американское изобретение в их случае не сработало бы. Своими щитами во время съемок они подсвечивали лица актеров, вызывая тем самым недовольство последних, у которых благодаря получаемому эффекту постоянно рябило в глазах. Но виноваты были не ребята, а пленка, цветная, низкочувствительная и посему требовавшая большего света. Отблесками солнца от фольги на щитах он и добывался.

Белокурая гримерша Галя с веснушчатой монтажницей Нуну вели свою великосветскую беседу, как правило, в два голоса одновременно. Эти неразлучные улыбчивые подружки были девушками бойкими и за словом в карман не лезли, но, в отличие от некоторых из женской половины

группы, они ни с кем не ссорились, не матерились и не пили водку. Поэтому и были мне наиболее симпатичны.

Когда наконец, благодаря моим с Вартаном усилиям, актеры попадали на свои рабочие места, отныне заниматься ими предстояло уже ассистентам режиссера – Левану, смуглому молодому человеку по прозвищу Индус, и Лие, картавщей женщине неопределенного возраста в соломенной шляпе. Любимым выражением ее было – «Мне все равно», но ввиду того, что буква «р» у нее звучала как «г», нетрудно представить, что в итоге получалось. Леван первым делом вручал актерам бумажки с текстом тех эпизодов, которые в данное утро снимались. Эти тексты в четырех экземплярах под его же диктовку накануне обязана была печатать машинистка Клара, секретарь директора группы. Актеры усаживались на песок, и начинался процесс читки вслух, сначала с листа, дальше уже – без. Благо, монологи были примитивны до той степени, что запомнить их смог бы любой одноклеточный, так что времени на репетиции не особенно тратилось. Вызубрившие свои роли актеры спустя полчаса были готовы к экранным подвигам.

Лия выводила их на съемочный объект, расставляя или рассаживая согласно раскадровкам художника Тедо, хотя ей лично было «все г'авно». Сократу – не всегда, а лишь в случае сложности сцены – приходилось отрабатывать с ними определенные жесты и добиваться нужных интонаций, объясняя и демонстрируя, как это следовало делать. Оператор

Акакий просил актеров показать ему свои передвижения в кадре, иногда корректируя их. Последним штрихом Галя припудривала всем троим лбы, носы и подбородки, чтобы не особенно блестели. Сократ, вынув на пару секунд свою трубку изо рта, брал в руки рупор и выдавал в него сакральные слова: «Внимание! Мотор!...» Перед камерой и журавлем с микрофоном шустро возникала рыжеволосая Нуно, произносила смешливым голосом: «Кадр сорок шесть, дубль один!» – и хлопала своим нумератором. В один и тот же день могли сниматься сцены, относящиеся к началу, середине и концу фильма. Хлопок нужен был ей для того, чтобы впоследствии при монтаже синхронизировать звук с артикуляцией актеров в кадре. Далее Сократ, так же посредством рупора, изрекал: «Начали!...» – и уж после этого начинались съемки. Продолжались они часов до двенадцати, если до того наша небожительница не закатывала истерики, а когда солнце достигало зенита и в воздухе появлялась так называемая дымка, прерывались до шести вечера.

Эти свободные часы использовались каждым по собственному усмотрению. Можно было поплавать и позагорать, отоспаться в тени сосен, поиграть в волейбол или пофлиртовать с отдыхающими диким образом девушками. Обедать мы шли в столовку цитрусового совхоза, меню которой составляли блюда из курятины, поставляемой местной птицефабрикой: суп, поджаренные ножки, печенка, яичница. И компот. В четверг, рыбный день, нас кормили ухой и жаре-

ной ставридой с рыбозавода. Никто на однообразие рациона не жаловался, скорее, наоборот, ведь плата за комплексный обед была символичной: один рубль. На мою зарплату можно было съесть пятьдесят таких обедов, хотя она и была самой низкой по тарифному разряду, зато в отличие от остальных не облагалась налогами, по закону я должен был получать все сполна. К тому же мне выплачивали суточные – 2,60 в день. Жить можно было, если бы не одно «но».

Каца, ассистент оператора, малосимпатичный субъект, раз предложил мне сыграть в буру. Я ответил, что не умею. Он сказал, что научит, это легко. И научил. Поначалу мне на удивление везло. Потом Каца объяснил, что вообще играть следует на деньги, пусть небольшие, но раз счет идет на них, то и глупостей в игре делается меньше. Я счел сказанное логичным, но теперь мне уже страшно не везло, и таким образом в общей сложности я проиграл ему сто рублей – все наличные, выданные мне родителями. А заодно, в счет долга, и месячную зарплату, которую пока не получал. И все это именно во время двух перерывов между съемками, за какие-то шесть-семь часов, в тени сосен под шум набегающих волн. Романтика.

Виталик с Гогой, братья, издалека наблюдавшие за моей последней невезухой, по пути в столовку поинтересовались, по сколько именно сван меня наказал. Услышав названную сумму, они переглянулись и в унисон адресовали мне два слова: «Вот дурак!» А потом Виталик рассказал краткую

биографию этого типа – Каца. Рос мальчик в горах Сванетии, и у него никогда не было игрушек. Кроме одной, своей собственной, пониже живота. Игратья ему приходилось только с ней, поэтому она у него со временем выросла до колен. Окончив школу и решив продолжить учебу, подался в столицу к родственникам. Дядя его, увидев как-то эту игрушку, глубоко призадумался и наконец сказал племяннику, что не учеба ему нужна, а дело. И просветил, какое именно: ублажать этой игрушкой разных озабоченных дам далеко не первой молодости. Не безвозмездно, разумеется. Дядя был не дурак, парень вскоре обрел не только в своем дворе, но и во всем квартале статус универсального дамского утешителя. Одна из них, видимо, самая им осчастливленная, и устроила его в киностудию, чтобы всякий раз иметь поближе к себе.

– Вот и тебя он трахнул! – закончил рассказ брата Гога.

– Он катала, жулик, – добавил Виталик. – Больше с ним не играй, а то проиграешь еще жену и детей.

Да, подумал я тогда, с юмором у вас, ребята, безусловно, все в порядке.

– Я ведь холостой, – сказал им в ответ.

Глава 3

Но на дальнейшем моем картежничестве в тот день был поставлен крест. Видимо, не терпящие обмана и несправедливости братья Пижамовы (в группе иначе их и не звали) сразу же поделились полученной информацией кое с кем из представительниц слабого пола, далее новость стала распространяться вокруг со скоростью звука. А уже поздно вечером, после окончания съемок, оператор Акакий, отведя в сторонку своего ассистента Каца, вклеил ему такую затрепину, которую невозможно было не услышать в радиусе пятидесяти метров, а после дал еще и пинка, приказав тотчас же вернуть все малолетке. Именно так меня и назвал.

Следует добавить, что слово Коки Захарыча было вроде неписаного закона для всех, будь то директор картины, режиссер или даже сумасбродная Медея. Хотя говорил он реже остальных в нашей киношной команде. Уважали его прежде всего потому, что он был старшим по возрасту, прожив непростые сорок с лишним лет, но в особенности же за то, как Акакий их прожил. Выросший на улице блатным мальчишкой с понятием «не бойся, не надейся, не проси», повзрослев, он стал еще более отчаянным подростком. Кровавым и беспощадным на криминальных разборках, хотя никогда не причинял зла матерям и сестрам своих самых заклятых врагов, грабил и терроризировал только по-

донков и богатых, лупил и калечил исключительно виноватых, защищал младших и ни разу в жизни не нарушил своих принципов.

Однажды на какой-то сходке его незаслуженно оскорбил авторитет в законе. Кока мог бы запросто придушить того, но сдержал себя, ибо тот был старше и по годам, и в воровской иерархии. Он молча вынул из кармана нож, открыл его, положил свою ладонь на стол и разом, со всей силой, вонзил в нее острое лезвие по самую рукоятку. Рука будто бы навсегда прилипла к столу, однако Кока спокойно вытащил нож из раны, забрызгав все вокруг кровью, и так же молча ушел оттуда прочь. Авторитет, понявший смысл поступка, оценил его, но все же усмотрел в нем некую опасность для себя на будущее и, когда пару недель спустя Кока с друзьями отправился на очередное дело – потрясти зарвавшегося торговца краденным, сдал их всех с потрохами. В момент, когда барыга, отдав пришедшим драгоценности и деньги, клятвенно уверял их, что больше у него ничего нет, нагрянули оперы. В завязавшейся перестрелке погиб милиционер, всех подельщиков забрали. Кока получил семь лет и отсидел их от звонка до звонка. Выйдя на волю, он к прошлому возвращаться не стал, а подался на киностудию, попросив знакомого оператора взять к себе в помощники. Тот, зная всю подноготную Коки, задал вопрос: зачем? Кока ответил: хочу научиться снимать. И научился. Без опыта, без образования он видел в объективе камеры мир таким, каким не видели

его дипломированные, лучшие из лучших операторов. Вот именно за все это люди его и уважали.

Каца без особого энтузиазма вернул мне восемьдесят рублей, пояснив, что остальное потратил. Я не возражал, сказав лишь, что никому не жаловался. Он ответил: «Знаю». На следующее утро, подойдя к Коке Захарычу, попытался поблагодарить его. Тот отмахнулся и посоветовал: «Лучше играй в футбол».

Но и в футболе я был не шибко силен. Как правило, по воскресеньям нашу съемочную сборную вызывала на поединок команда местного молодняка. Местом ристалища становился сельский стадион, который вполне мог сойти за трек для мотогонок по пересеченной местности. Меня ставили в нападение на левый край, и когда изредка я получал пас, то мчался вперед по самой кромке поля во всю мощь, на которую был способен. И, домчавшись до нужной точки, пытался сделать подачу в штрафную площадь на Мераба, где наш центровой был на голову выше всех защитников. Бегать-то я умел, но вот подавать с левой ноги – нет, следовательно, и подачи мои почти никогда не находили адресата. Пользы, короче говоря, команде не приносил. А на правый край меня не переводили, потому что в этой зоне играл Симон, самый шустрый среди нас на поле. Темур, бывший стражем ворот, кстати, тоже знал свое дело, отбивая иногда, казалось бы, безнадежные мячи. Смотреть на него в такие минуты, конечно же, доставляло мне удовольствие, но слу-

шать его уже потом, после футбола или в перерывах между съемками, было куда интереснее.

Темур был парнем что надо, выделяющимся среди других какой-то особой тактичностью. Я с первого дня к нему привязался. Сам он лишних вопросов задавать не любил, но о чем бы ты ни спросил его, на все у него находился ответ, хотя своей образованностью ни перед кем не кичился. В обычной жизни – студент филфака университета, будущей специальностью выбравший французскую литературу прошлого века. Стендаль, Гюго, Флобер были его любимыми писателями. Гюго, кстати, моим тоже. Но их он не трогал, а первый наш разговор начал, просветив меня относительно Великой французской революции. Сказал: «Один умный человек написал: „Революция – вещь сумасшедшая, и нечего удивляться, если умалишенные поведут по улицам своих врачей и санитаров в смиренных рубашках“». Я, однако, удивился, и даже очень, ибо в учебниках истории подобно-го не читал. Он добавил: «Все революции пожирают своих детей. Французская была событием, о котором при Людовике Шестнадцатом мечтали многие французы. Тех, которые мечтали больше других, революционеры первыми поволокли на эшафот. Аристократов. Единственное, что порождает всякая революция, – это террор». Я удивился еще больше, ибо полагал, что революции, как Великая французская, так и Великая Октябрьская, совершались исключительно ради справедливости на земле, во благо простых людей, народа.

Так нас учили. Произнес это вслух, на что получил ответ: «Когда вернешься домой, сходи в библиотеку и найди книгу Анатоля Франса. „Боги жаждут“ называется. Может, тогда поймешь». Я обещал.

Однажды, задумавшись над тем, каким образом он оказался в нашей компании, спросил, чем его прельстило кино.

– Кино как вино, – услышал в ответ. – Захотелось попробовать.

Темур помнил наизусть в русских переводах стихи Шарля Бодлера, Поля Верлена и Артюра Рембо, поэтов, о существовании которых до сих пор я и не подозревал, и теперь мой гипоталамус впитывал, точно губка, волшебные образы их рифм. Дал мне маленькую книжку Рембо, который особенно меня поразил. Оказывается, занимался он стихотворчеством всего четыре года, а «Пьяный корабль», свой шедевр, написал, будучи моим ровесником. «Как луна беспощадна, как солнце черно!..» – без конца повторял я вслух, не переставая удивляться. Потом этот странный малый поэзию забросил, поставив целью сколотить миллион, укатил в Африку, где вскоре добился своего, разбогатев на торговле оружием. А умер он в 37 лет, как Пушкин и Маяковский.

Честно говоря, мои контакты с образцами изящной словесности ограничивались классикой из школьной программы плюс тем, что настоятельно рекомендовали прочесть родители, и, кроме того, модными тогда Ремарком, Хемингуэем, Стейнбеком да еще повестью Василия Аксено-

ва «Звездный билет», напечатанной в журнале «Юность». В «Билете» этом окончившие школу ребята удирали из дома в поисках чего-то нового, чего не хватало им в постылой жизни. Очередную дилемму решали, подбрасывая монету: орел или решка. Это было нечто иное, чем пичкала нас официальная литература, поэтому, ассоциируя главного героя с собой, я с журналом не расставался. Дал почитать Темуру, ему тоже повесть понравилась.

Темур многое знал не только о революциях и поэзии. Он рассказывал мне о жизни Винсента Ван Гога и Поля Гогена, любимых им художников, о которых слышать-то я слышал, но, признаться, открывал для себя также впервые. Между тем, по его словам, эти двое, больше чем кто-либо еще, оказали никем не оспариваемое влияние на всю живопись последующего, нашего века, исключая творцов социалистического реализма в искусстве. Никаких иллюстраций у него, естественно, не было, но я будто зримо уже представлял их полотна, исходя в основном из мотиваций и странностей сумасшедших гениев. Думал об отрезанном ухе, приступах безумия, подсолнухах и брутальных мазках Ван Гога, о Гогене, считавшем цивилизацию болезнью, бросившим работу служащего банка и оставившим семью, чтобы уплыть в Океанию, взять в жены молодую таитянку и написать там лучшие свои картины.

Общение с Темуром, видимо, поставившим целью ликвидацию моей полной дремучести, возымело действие, пере-

вернув в моем сознании все вверх дном. Собственная уникальность, в которой я почему-то до тех пор не сомневался, была мною же поставлена под большой вопрос. Да и завышенное мое самомнение исчезало куда-то само по себе. Рассказчиком он был бесподобным. Я подумал как-то, что если бы в фильме он говорил с героиней о том же, о чем и со мной – о литературе, поэзии и живописи, а не повторял без конца какие-то идиотизмы, тогда ей, естественно, и следовало влюбляться в него по уши. Согласно сценарию же он должен был нести какую-то чушь о «романтике третьего семестра» (студентов на месяц отправляли собирать урожай с целинных земель Казахстана) и пудрить девушке мозги цитатами философов марксизма. Но по замыслу сценариста именно такая эрудиция открывала ему путь к завоеванию руки и сердца красивой незнакомки... наслаждающейся морским бризом и солнечными ваннами!

Попытался я было достать и Тедо в надежде услышать от него еще что-нибудь для меня новое о художниках и живописи. Поначалу спросил, нравится ли ему Гоген. Тедо как-то странно взглянул на меня, сомкнул ладони руки так, что косточки в них хрустнули, после разомкнул и стал судорожно ими размахивать.

– «Забава злого духа», «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда идем?»! Возможно ли, чтобы эти картины человеку не нравились? – нервно переспросил он. – Ты-то откуда его знаешь?

– Темур рассказал. О нем и Ван Гог.

– Что именно?

– Что если бы не они, искусство двадцатого века было бы совсем другим.

– А импрессионисты? А Сёра, Модильяни, ранний Пикассо?

– Не знаю, – ответил я. – О них он мне ничего не говорил.

Тедо снова начал махать своими длиннющими руками, теперь прямо перед моим носом.

– Послушай, – сказал. – Если ты интересуешься живописью, начни с самого начала. Иначе мысли в твоей голове смешаются, как смешались языки народов, возводивших Вавилонскую башню. Возьми простенькую книжку по истории искусств и внимательно ее прочти. Потом найди что-нибудь посложнее. И так дойди до самого сложного. По-другому тебе ни черта не понять. Тем более Гогена.

– А у вас кто самые любимые художники? – спросил я.

Не задумавшись и даже вроде успокоившись, он ответил, как мне показалось, на китайском:

– Хиеронимус Босх и Питер Брейгель Старший.

Больше я ему не надоедал.

С Сократом было проще. Этот увесистый, добродушный и разговорчивый человек вечно носил с собой портфель, но я не видел, чтобы он им пользовался, хотя бы раз его открыл. Однажды втихаря от хозяина это сделал наш шутник Мераб, не обнаружив там ничего, кроме томика Пушкина. Пушки-

на он заменил обыкновенным кирпичом, и Сократ, не обращая внимания на то, что портфель его заметно прибавил в весе, продолжал по-прежнему всюду таскать его с собой, неизвестно с какой целью. Возможно, он полагал, что темные очки и курительная трубка в комбинации с этим портфелем придавали ему особую творческую респектабельность.

Сократ учился в мастерской Довженко, хотя своим учителем считал Сергея Эйзенштейна¹, самого именитого советского режиссера. Называл титаном и с удовольствием делился со мной примерами его новаторских открытий. Из написанного о «Броненосце» можно было составить целую библиотеку, воспевали оды этому шедевр «великого немого» все киноведы поголовно, и не одни они, а кому только было не лень, что лично у меня отбивало всякую охоту его смотреть. Но Сократ заинтриговал, рассказав о том, чего я знать не мог. Кульминация фильма – на мятежном корабле вспыхивает революционное восстание. Толпа горожан с берега неистово приветствует это событие. Все взгляды – и людей на пристани, и матросов на палубе – обращены вверх, ибо на мачту торжественно взмывает революционное красное знамя. Естественно, фильм был черно-белым, но знамя – действительно красным. Эйзенштейн раскрасил его от руки в каждом экземпляре фильма. Именно благодаря такому фокусу трепещущий красный флаг над броненосцем производил на зрителей ошеломляющий эффект. «По-

¹ Известные советские кинорежиссеры и педагоги.

темкин» триумфальным шествием прошел по кинотеатрам всего мира, а международная ассоциация критиков признала его лучшим фильмом в истории кино.

Конечно же, эффект алого знамени на черно-белом экране был потрясным даже для меня, картины не видевшего, но, умудренный знаниями, полученными от Темура насчет революций подавленных, я думал скорее о том, что стало с матросами, поднявшими флаг на восставшем военном корабле в реальной жизни. Тут, наверное, и думать не следовало: финал задолго до события был описан поэтом Рембо:

На черных виселичных балках
Висят лихие плясуны.
Кривляясь в судорогах жалких,
Танцуют слуги сатаны.

Сократ объяснял мне, что режиссура в основном занимается поиском стилистики картин, то есть их специфического языка. Монтаж – это подбор нужных «кинослов», необходимых для создания выбранного стиля. Одни создают образность на экране, другие предпочитают реальность. Реальность картины обусловлена географией, единством места и действия, поступками героев в соответствии с логикой сюжета. Параллельный монтаж – это чередование планов, создающее одновременность двух действий, разделенных в пространстве. Ускоренное действие – иллюзия укороченности времени с помощью все более и более коротких

планов, замедленное же – полученное посредством длинных, непрерывных, повторяющихся кадров, как бы растягивающих реальное течение времени. И, наконец, ассоциативный, образный монтаж – самый сложный и алогичный с точки зрения здравого смысла. В нем главное – усиленное значение одного кадра путем его сопоставления с другим кадром. Смысл возникает в сознании зрителя как результат монтажной ассоциации. К примеру, сняв крупный план девушки, узнавшей об измене любимого человека, можно склеить его с кадрами бушующей природы, таким образом донести до зрителей, какие страсти кипят сейчас в ее душе. Или поставить сцену, где мужчина, клятвенно заверяющий в своих чувствах женщину, тем не менее оставляет ее более чем равнодушной – каменно непреклонной. Но в следующем кадре мы видим ее утром в кровати, задумчиво рассматривающую в зеркале оставшийся на шее след от страстного поцелуя.

– А ваш фильм, он образный? – спросил я.

– Он – никакой!

– ???

– Между нами, – улыбнулся мне Сократ, сопя своей трубкой. – Фильм мой – полная херня!

– Зачем же вы его снимаете? – удивился я.

– Ну, хотя бы затем, чтобы вместо партийных собраний и сбора урожая зрители увидели на экране девушку с идеальной фигурой и красиво сложенного парня. Если выкинуть из сценария бред эрудита, вышло бы даже очень ничего.

– Так вам сценарий тоже не нравится?

– Естественно, – захохотал он. – Кому он может нравиться. Лишь начальству, да и то потому, что идеологически стерилен.

– Но почему вы взялись за него?

– Потому что в кино есть принцип: дают – бери. Иначе уже вообще ничего не предложат.

Глава 4

Метр восемьдесят пять роста, стриженные коротким ежиком русые волосы, голубые глаза и великолепный торс атлета, натренированный гириями и гантелями так, что на нем читался каждый мускул – это являл собой Мераб. По ментальности – человек, уверенный, что рожден именно для того, чтобы во всем первенствовать. Почти так оно и было. Наш супермен и страстный объект желания всей женской половины побережья был студентом политехнического института, будущим строителем автомобильных дорог. Не знаю, какие отношения складывались у него с дорогами, но женщин и море он любил. В перерывах после утренних съемок, проводя в обществе очаровательных дам пару часов, этот Джонни Вайсмюллер² предлагал мне устроить небольшой заплывчик.

– Небольшой насколько? – спросил я в первый раз.

– Да какая разница, – сказал он. – Пока не устанем.

Мы поплыли. Он – прекрасным кролем, я – ужасным брассом. Плыли недолго, хотя и за это время Мераб успел заметить, что я малость нервничаю, оттого дергаюсь, судорожно дышу и озираюсь по сторонам. Казалось, что воздуха мне не хватает и я сейчас задохнусь.

² Американский пловец, пятикратный олимпийский чемпион, исполнитель главной роли в серии фильмов о Тарзане.

– У тебя что, аквафобия? – спросил.

– Не понял, – ответил я.

– Боишься воды?

– Да, но только вдали от берега.

– Хочешь, вернемся?

– Нет.

– Ну тогда, моряк, держись, адмиралом будешь!

Я и держался, хотя никакого желания становиться адмиралом у меня не возникало.

Мераб уже не оставлял меня в одиночестве, стремительно вырвавшись вперед метров на двадцать, всякий раз останавливался и, перевернувшись на спину, поджидал, наблюдая за моими жалкими потугами. Как только я нагонял его, он снова уплывал вперед. Так мы и покрыли примерно полкилометра, пока не оказались у округлого, вроде небольшой платформы, плавучего буя на якоре, используемого рыбаками для закрепления расставленных сетей. Мераб без особых усилий вскинул меня на верх этого буя и вмиг взобрался на него сам вслед за мною. Берег маячил где-то вдали, сосны на нем отсюда казались игрушечными, а людей совсем даже не было видно.

– Ну, – сказал он, – Расскажи мне про свою жизнь молодую.

– Да рассказывать, собственно, не о чем.

– Девушка у тебя есть?

– Нет, – ответил я.

– Почему?

– Не знаю. Время, наверное, не пришло.

– А женщина была?

– И женщины не было, – не соврал я.

– Да... Завидная биография. Но ты хотя бы целовался?

– Один раз.

– Ну и как? Понравилось?

– Очень, – сказал я.

– Значит, у тебя все еще впереди.

Мы легли на спины, предоставив себя легкому бризу и лучам палящего солнца. Мераб вроде решил меня больше не допрашивать. Буй наш покачивало мелкими волнами, я закрыл глаза и восстановил в памяти поцелуй, тот первый и единственный, о котором только что поведал Мерабу. Учились мы в девятом, пить нам пока не разрешали, но если кто-нибудь справлял день рождения или именины, уже оставляли одних, без надзора взрослых. В тот раз отмечали шестнадцатилетие Виолы, худенькой девочки с острым носом, черными бровями и всегда удивленными глазами. Вряд ли большинство из нас считало свое присутствие на данном событии обязательным, если бы не одно обстоятельство. Виола, азербайджанка по национальности, была дочкой какого-то деляги, ее семья жила в двухэтажном собственном доме, в громадном подвале которого располагалась мастерская, где подручные ее папаши ткали персидские ковры. Видимо, дело это было весьма доходным, ибо на семью приходилось

еще два частных автомобиля – черный ЗИМ, уму непостижимая роскошь, и стального цвета «Победа».

Так вот, сидели мы всем классом на втором этаже, напившись чая с разнообразными восточными сладостями, скушая, предоставленные сами себе. От нечего делать решили «крутануть». Игра была бесхитростной: все садились в круг, кто-то опускал на пол порожнюю бутылку и закручивал. Когда вращенье прекращалось, закрутивший должен был получить поцелуй той, на которую указывало горлышко. Случались, конечно, и казусы: мальчикам выходило чмокать мальчиков, а девочкам – девочек. Эти действия под взрывы смеха вызывали азарт, интригу и дальнейший интерес к игре.

Мы погасили свет, зажгли свечи, все опустились на натертый до блеска паркет, образовав замкнутый овал. Виола на правах юбиляра и хозяйки дома крутанула бутылку. Когда обороты ее после долгого вращения спали, бутылка застыла на месте. Не знаю, с какой уж стати, но горлышко было направлено прямо на меня. Видимо, я жутко покраснел, ибо все вокруг рассмеялись. Очень уж неловко пытаюсь скрыть смущение, я все же встал, подошел к Виоле и опустился на колени. Тогда она меня и поцеловала.

Как это описать? Две дольки мягкого, будто бы ожившего сочного и ароматного фрукта коснулись моих губ, чуть вобрав их в себя. Меня точно током ударило и передернуло внутри. Длилось это секунду, полчаса или вечность, я не знаю. Не знал тогда, не знаю и сейчас, но вряд ли когда-ни-

будь забуду. Для нее, возможно, это был просто поцелуй, для меня же – лучшее, что случилось в моей жизни. Еще целый год каждый божий день мы встречались, учась в одном классе, но никакого интереса к моей персоне Виола не проявляла, лишь взирала иногда по обыкновению удивленными глазами. Как только окончили школу, родители забрали ее в Баку, где сразу же выдали замуж. Мы даже не попрощались.

– Ну, ты готов? – голос Мераба вернул меня в реальность. – Не то здесь заживо сгорим.

– Готов как никогда! – вяло отозвался я.

Мы спрыгнули с буйка – Мераб грациозным подскоком Тарзана, я бултыхнувшись ногами вниз – и поплыли. На этот раз Мераб меня не особенно обгонял, был рядом. Достигнув наконец-то берега, мы повалились на песок. Тогда он и хлопнул меня по плечу.

– А ты молодец, – сказал. – Не так-то просто побороть водобоязнь. Девушки таких уважают. Особенно – строптивые. Ты уж мне поверь.

Я усмехнулся, не придавая значения его словам. Он хотел лишь меня взбодрить, ничего больше. Впоследствии мы с ним часто повторяли заплывы, и делал я это с удовольствием, осознавая, что страх во мне улетучивается.

Глава 5

Было в нашей команде немало людей по-своему необычных. Директора фильма, главную фигуру на «фабрике», я видел всего пару раз, да и то издалека, он на всеобщее обозрение выставять себя не любил. Зато заместителя его, Джемала, мог лицезреть чаще, чем хотелось бы, но исключительно в состоянии дремы. Дремал он стоя, сидя, лежа, независимо от того, где находился: на съемках, в машине, в столовой во время обеда или же на «балу танцев», организуемом по вечерам неутомимым Симоном вокруг тонвагена, изрыгающего из своих динамиков самые популярные шлягеры и тем влекущего к себе всю окрестную молодежь. Импровизированная танцплощадка походила на муравейник и явно не скучала до одиннадцати часов вечера, когда наступал комендантский час и пограничники включали свои прожекторы, сканирующие мощными лучами весь периметр прибрежной зоны, дабы в случае любой попытки нарушения гражданами государственной границы незамедлительно ее пресечь. Хотя ни один старожил, даже будучи в сильном подпитии, не мог вспомнить имевший когда-нибудь место подобный прецедент. Под лучами прожекторов вышагивал по пляжу патруль военных, неизменно дававший команду «Расходись!...», и все молодые люди в мгновение ока попарно рассыпались во всевозможные укромные места и закоулки.

Джемал, как правило, не дожидаясь прихода пограничников, уводивший очередную пассиву в рошу, в это время давно там дрыхнул, без разницы, находился ли в женских объятиях или же оставался один.

Администратор Нодар, которому, кроме собственных дел, приходилось заниматься и делами Джемала, был непоседой лет двадцати пяти, удержать которого на одном месте было так же непросто, как, скажем, выловить рыбу руками. Особенностью его был нос с горбинкой, краснеющий в соответствии с количеством принятых в течение дня доз спиртного. Несмотря на удвоенную загруженность, со всеми поручениями Нодар справлялся на удивление легко, успевая при этом не упустить случая пару раз за день заглянуть во все три торговые точки, имевшиеся в селе Алахадзе. Вопрос к продавцам у него был один: «Спички есть?» Даже малым детям было известно, что в летний сезон на море они являлись самым большим дефицитом. Естественно, ответом звучало: «Нет». – «Тогда налей сто!» – говорил Нодар и, залпом проглотив порцию огненной воды, мчался доставать мазут для лихтвагена или договариваться с рыбаками, чьи лодки Сократ непременно хотел видеть в кадре. У Нодара нашего часто возникали проблемы с наличностью, но он никогда не просил денег взаймы, а выпивку буфетчики выдавали ему в кредит, зная, что, получив суточные или зарплату, он в первую очередь рассчитается с ними. Квартировал Нодар в доме тракториста Чичико, такого же непоколебимого бор-

да с трезвостью, поэтому после каждого трудового дня этот крепко поддавший и распеваящий дуэт можно было узреть на веранде дома механизатора, а иногда, в момент наивысшего душевного вдохновения, то есть ближе к ночи они занимались вокалом уже в кабине трактора, совершающего замысловатые пируэты вокруг местного стадиона. Эскорт состоял из сбора местных собак, в отличие от людей, обеспокоенных судьбой флага дружины совхозных «железных коней», поэтому и надрывавшихся ему вслед нескончаемым лаем из всех собачьих сил.

Бухгалтер Инесса, матрона лет сорока, с пышными телесами килограммов на восемьдесят пять, носящая траур по мужу, пару лет назад скончавшемуся от разрыва сердца, обычно была занята тем, что составляла какие-то ведомости, сводила балансы на арифмометре «Феликс», выдавала шоферам талоны на бензин и выписывала наши зарплаты, но привлекала всеобщее внимание не только своей профессиональной деятельностью. Расположение духа ее, прекрасно-возвышенное утром, как правило, становилось ближе к вечеру скверно-отвратительным. Тогда к ней лучше было не соваться. Причину такой устойчиво постоянной метаморфозы братья Пижамовы объясняли просто, одним-единственным словом: Каца. Каца, по ночам честно отрабатывающей с Инессой свою вторую смену, был способен умиротворить ее плоть до середины последующего дня, после же ее вдовствующая и, следовательно, скорбящая натура требова-

ла повторного сеанса утешения, получить который до окончания вечерних съемок технически никак не представлялось возможным. Оттого она и пребывала на грани нервного срыва.

Среди экземпляров нашего паноптикума были два водителя специальных транспортных средств. Шофера тонвагена, Автандила, нареченного так в честь одного из героев «Витязя»³, парня, на вид очень даже приличного, члены группы сторонились и звали не иначе как говнюком. Именины его прошли еще до моего приезда благодаря случаю, подробности которого он сам же и поведал впоследствии Симону. Были у Автандила родственники неподалеку, в селе Леселидзе, в один воскресный день он отправился их навестить. Повидался, потом с двоюродным братом сходил на пляж, где познакомился с девушкой в джинсах. Джинсы, но только настоящие, американские, а не какой-нибудь их суррогат из Польши или ГДР, были для всех нас вещью уникальной, чем-то наподобие кометы Галлея или фильма «Колдунья» с обнаженной Мариной Влади.

В какой ипостаси девушка Автандилу приглянулась – просто как девушка или как девушка в американских джинсах, – он не говорил никому. Даже тому брату, который оставил их наедине. Когда стемнело, Автандил предложил ей нечто романтическое – искупаться в море при луне, в чем мать

³ «Витязь в тигровой шкуре», эпическая поэма Шота Руставели, написанная в XII веке.

родила. Идея девушке настолько понравилась, что разделась она быстрее, чем он, и нырнула в море. Наш герой же, вспомнив о девизе «Лови момент!», схватил оставленный ею трофей в виде брюк техасских ковбоев и был таков. Вернулся в Алахадзе уже в джинсах. Правда, они ему были чуть велики на мягком месте пониже спины, но эта деталь общей картины не портила. Красовался Автандил в них до тех пор, пока, будучи навеселе, не поделился с Симоном анналами их происхождения. Временно потерявший дар речи, тот, придя в себя, пересказал услышанное Пижамовым. Братья, поборники справедливости, сделали данную историю достоянием гласности.

Вечером того же дня Автандил был вызван на ковер Мерабом, не поощрявшим воровства и очень любящим женщин. «А ну, снимай штаны!» – приказал. Не врубившись, с чем именно ему предстоит иметь дело: с фактом грабежа или мужеложства, – Автандил тем не менее тотчас подчинился грубой силе, ибо перечить Мерабу никто не смел, слишком рискованное было дело. Тот же, вынув из кармана ножницы костюмерши Софьи, изрезал ворованные джинсы на куски, а после легким свингом правой руки отправил Автандила в глубокий нокаут, окрестив при этом говнюком. С тех пор Автандила иначе как этим словом никто не называл. Говнюк же, как ни странно, ненавидел больше Симона, нежели Мераба, который его еще и предупредил, что будет повторять процедуру экзекуции всякий раз, как только заметит

в радиусе десяти метров от себя.

Вторым был шофер лихтвагена Василий, здоровенный амбал, которому при рождении следовало дать имя Василиск, в честь мифического чудища, способного убивать и взглядом, и дыханием, от которого сохла трава и растрескивались скалы. Тем не менее это был тихий, спокойный парень, сибиряк, отслуживший армейский срок в Грузии и решивший навсегда осесть в теплых краях. Он не пил, не курил, не ссорился, не буянил, почти не говорил и ни разу в жизни не нарушил правил дорожного движения. В его водительском талоне предупреждений не было ни единой штрафной пометки.

Несчастьем для нас с Юрой стало то, что как-то раз на Василия, наблюдавшего за танцующими парами вечернего «бала», положила глаз где-то с кем-то выпившая костюмерша, гречанка Софья. Подошла, попросила быть кавалером, он ответил, что в деле этом не силен. Доставая верзиле всего до плеча, она хватанула его так, что даже смогла сдвинуть с места, ввела в круг, положила его руку величиной с кухонную сковороду себе на талию и стала двигаться в такт музыке, будто ненароком бедрами касаясь его бедер. Потом прижалась всем распаленным телом, как бы предлагая тем самым пройти своеобразный тест на степень возможностей мужского воздержания. Василиск наш, монашеского обета не дававший, вытерпеть такой искус долго не смог, остолбенел. Будто в припадке эпилепсии, задрожал всем своим

нутром, разом поднял захохотавшую Софью на руки и точно косолапый медведь, уносящий бочку с медом, поволок ее от народа подальше, туда, где было темно и пустынно. Там и зачался их роман. Продолжение было менее романтичным. Софья жила в смежной с нашей комнате, и вот уже следующим вечером на ночь глядя мы попали в эпицентр самого настоящего стихийного бедствия. Василий, пыхтя как паровоз на подъеме, во всю богатырскую мощь ублажал свою гречанку, которая в момент наивысшего наслаждения визжала так, будто у нее отнимали все недвижимое имущество древних предков, включая Акрополь. При этом кровать под ними издавала стон, напоминающий конец света, а пружины скрипели, как рыбацкий баркас, ненароком попавший в девятибалльный шторм с картины мариниста Айвазовского. Мой будильник в одночасье стал вещью, в этом доме совершенно ненужной. Мы с Юрой, прободрствовав две нескончаемые ночи, решили поменять жилье.

Мать Медеи тоже была особой неординарной. Рано утром ее можно было застать на рынке, где она закупала продукты, потом – во дворе дома, готовящей обед для дочери, после же – подальше от места съемок, которыми она не интересовалась, в тени сосен, на надувном матрасе за чтением книги. Загорать, нежиться на солнце не любила, сплетничать – тоже. Вначале я думал, что она глухонемая, но один раз Ева со мной заговорила. Если бы она приходилась отцом, а не матерью старлетки, следовало бы засомневаться,

ее ли эта дочь на самом деле, но в данном раскладе сомнения были неуместны – ведь именно она ее рожала, не кто-нибудь другой. Женщиной Ева была довольно приятной, но какой-то слишком спокойной, даже апатичной, точно все, что происходило вокруг, вроде бы совершенно ее не касалось. Хотя человек более наблюдательный, чем я, ее подобную отрешенность мог бы понять и принять как умиротворенность схимника, какого-то святого старца, лет сорок молившегося, не вылезая из своего скита.

Меня лично удивляло то, что она ни разу, насколько помнится, не сделала замечания дочери. Орала же, бранилась и выпендривалась эта маленькая стерва десятки раз в день по любому поводу. Задумавшись, почему, я вспомнил свою маму и решил, что, возможно, Еве осточертело воспитывать дочку, ибо толку от этого не было никакого. Это раз. А два – дочь просто сломила ее волю, всецело подчинила степень своего упрямства, превратив в какую-то блаженную. Но правильным ответом был третий, которого я не знал. Следуя своей материнской интуиции, Ева понимала, что у дочки сложный переходной возраст и любое неуместное, да и уместное тоже, вмешательство в этот естественный природный процесс может лишь растянуть его во времени, ничего больше. Поэтому она и не вмешивалась, предоставив всему идти своим чередом. Так или иначе, но подобных мамаш я в жизни точно не встречал.

Глава 6

Романы, тем более пляжные – неотъемлемая часть кино экспедиций, именно они, а не экранный продукт творчества, остаются самыми яркими в памяти людей, служащих музе по имени Фабрика грез. И у наших мужчин, естественно, были на море девушки. Мераб имел доступ к ним в неограниченном количестве. Сократ, как это ни странно, пользовался не меньшей популярностью. Гуляли Тедо, Нэмо, Леван, сонный Джемал. Гулял наш реквизитор, турок по имени Челик, тучный человек, вечно улыбающийся, при этом будто выставляя напоказ верхний ряд белых до белизны зубов, потому и прозванный братьями Пижамовыми – Кафель Метлах. Даже Кока Захарыч вечерами часто бывал замечаем в компании веснушчатой Нуну, уединившись, они допоздна бродили босиком по пустынному пляжу, откуда зачастую доносились обрывки огнеметного смеха рыжеволоски. О тех, кто помоложе, и говорить было излишне.

Латерна магика⁴ под названием «кино» как магнит притягивала к себе поголовно самых разнообразных представительниц слабого пола – блондинок, брюнеток, шатенок всех возрастов и телосложений. А «волшебный фонарь» в виде круга для танцев перед тонвагеном с Симоном внутри на время становился культом новой религии с музыкаль-

⁴ В арсенале иллюзионистов – «волшебный» фонарь.

ной проповедью, обращенной к зову плоти и призывающей к любви. Этим магическим словом, кроме людей, казалось, заряжалась сама стихия – воздух, почва, вода в море. Да, это была лафа, настоящий праздник жизни, что-то дохристианское, языческое.

Странно, но в этой лунной оргии, пожалуй, лишь Темур держался холостяком, при этом как танцами, так и женской половиной вообще не интересовавшимся. Я спросил однажды: почему? Он ответил, что в Тбилиси у него уже есть любимая и что он штука моногамная. Однолюб, пояснил, чтобы до меня дошло. Выходило, что единственным, кто оставался без девушки, а, следовательно, без любви, был в нашей компании я. Днем-то я общался с некоторыми более или менее приятными мне особами, угощал поджаренными на углях початками кукурузы, мороженым или лимонадом, вел заумные разговоры, шутил, играл в подкидного дурачка, рассказывал анекдоты, но на этом наши отношения и заканчивались. Вечером, когда начинался «бал», я предпочитал оставаться где-то в сторонке от общего круга, вмещавшего десятки пар, ибо танцы, по моему мнению, как ритуал преддверия предполагаемого соития требовали прежде наговорить своей избраннице кучу разных нежностей, уверять в вечной любви, убеждать в том, что она – моя ненаглядная, неповторимая, единственная. Не хотелось никому врать, ведь ни по одной из девушек я не сох и не сходил с ума. Поэтому пребывал бобылем.

Медея, восходящая звезда наша, вне всякого сомнения, танцевала на удивление здорово. Обожала самые быстрые ритмы и вписывалась в них, зажигая других своей неумолимостью, не отказывалась, когда ее кто-то приглашал, но бросала тотчас же, если кавалер отставал от взятого ей темпа и не проявлял особой фантазии телодвижениями. Но если партнерами оказывались, скажем, Мераб или Симон, выплясывала с ними такое, что всем остальным, чтобы не выглядеть смешными, приходилось останавливаться, создавая простор для этих двоих, и лишь наблюдать за виртуозами рок-н-ролла, восторгаясь вслух и молча завидуя. Станным было то, что никаких эксцессов здесь она не устраивала.

Как-то раз, распалившись до некуда, вышла из круга, чтобы глотнуть свежего воздуха. Чуть отдышавшись, направилась к фонтанчику попить воды. Неизвестно уж, по какой причине, но судьба распорядилась так, что неподалеку от этого водонапорного агрегата на пригорке, вдали от света, дымя сигаретой, восседал именно я, обращенный в слух. В динамике звучал блюз, «Пять четвертей» Брубeka, самая любимая мною композиция из всего музыкального арсенала Симона. Сделав несколько глотков и взбрызнув водой лицо, волосы, оголенные плечи, грудь, Медея, уже различавшая предметы в темноте, заметила наконец и меня. Следует добавить, что мы с ней до этого ни разу не обмолвились ни словом.

– На кого мастурбируешь? – спросила вдруг.

За десять дней, проведенных в мире кино, я успел привыкнуть к неожиданностям. Поэтому вопрос меня не особенно смутил.

– Не обижайся, – ответил, – но не на тебя.

Она усмехнулась и посмотрела так, будто впервые увидела.

– Чего не танцуешь?

– Ногу подвернул.

– Правую левую или левую правую? – сострила и она.

– Обе, – для убедительности я ткнул в них по очереди пальцем.

– Идиот! – поставила мне диагноз, но вместо того чтобы уйти, подошла и села рядом. От нее исходил смешанный запах духов и пота, но мне почему-то противно от этого не стало.

Взяла из моей руки сигарету и выбросила.

– Ты что – женоненавистник?

– Нет, – ответил я.

– Девственник?

– Да, – сказал я.

Она рассмеялась и шепнула, чуть ко мне наклонившись:

– А я уже – нет!

– Ну и что из этого?

– Ничего, – ответила. – Тебе какая разница?

– Никакой. Но ты же мне эту новость сообщила.

– Хотела тебя позлить.

– Извини, я не твой поклонник.

– А чей же?

– Ничей. Но если подумать, то, скорее всего, Нуну, Галины. Хорошие девушки, с ними дружить стоит.

– Хочешь поиметь обеих сразу? Или каждую по отдельности?

– Мне они нравятся, только и всего.

– Значит, ты хочешь дружить с девушками? Дружить и ничего больше?

– Тебя это удивляет?

– Еще как! Я тебе не верю.

– Можешь не верить, но это правда.

– Помнишь – сказала, – в песне поется: «Люди влюбляются, совокупляются»... Сидишь тут один, еще голову мне морочишь.

– Я?!

– Ты. Скажи, откуда ты такой взялся?

– Из города Тбилиси, – ответил. – Закончил пятьдесят вторую школу, до того несколько лет был помешан на кино. «Летят журавли», «Девять дней одного года», «Четыреста ударов», «Иваново детство»⁵ – самые любимые мною картины. Посмотрел их десятки раз, решил, что кинематограф – это мое. После родители устроили меня на киностудию, и вот я здесь.

– Ну и как тебе здесь?

⁵ Фильмы М. Калатозова, М. Ромма, Ф. Трюффо, А. Тарковского.

– Трудно сказать. Начинает казаться, что кино – не мое призвание.

– Люди не нравятся?

– Наоборот, с людьми все в порядке. Дело во мне.

– Ты, наверное, страшный зануда?

– Скорее я полный неуч, выскочка и трус.

– Ну?! Ты, конечно же, трепло и воображала, но не трус.

Мераб мне рассказал про ваш заплыв.

Открыв рот от удивления, я тут же его закрыл, плохо соображая, что следует ответить.

– Это он молодец, – сказал. – Дал мне понять, что я на что-то способен.

– Скромничаешь?

– Нет, это правда.

– И я могу сказать тебе правду: я тоже боюсь воды.

– Ты? Ушам своим не верю, – искренне удивился я. – Ты можешь чего-нибудь бояться?!

– Представь себе, да...

– Мужчин, наверное? – вновь попытался сострить.

– Заткнись. Я серьезно...

– Ну и что еще тебя пугает?

– Может быть, когда-нибудь расскажу.

– Ладно, – сказал. И добавил: – Способ борьбы со страхом нам уже известен. Попробуй доплыть со мной до буя. Если по пути мне не удастся тебя утопить.

– Наконец-то... Итак, ты меня ненавидишь. За то, что то-

гда обозвала?

– Да нет. Уже забыто.

– Забыто?

– Забыто, – снова соврал я.

– Ну, раз ты такой незлопамятный, тогда скажи, со мной тебе хотелось бы дружить?

Немного подумав, нет ли здесь какого-нибудь подвоха, я все же ответил:

– Да.

– А что такое дружба? В твоем понятии.

– Ну, это когда ты доверяешь другому человеку как самому себе, у тебя от него нет секретов, ты радуешься его радостям и сопереживаешь горестям. Ты как бы одно с ним целое.

– И все?

– Может, не все, но мне вполне достаточно.

– Ты рассчитываешь на это, если мы подружимся?

– Естественно.

– С какой стати?

– Что-то подсказывает мне, что ты на самом деле не такая, какой хотела бы быть.

– Переведи, я ни хрена не поняла.

– Это непереводимо. Понимай как хочешь.

Она молчала. И довольно-таки долго. А потом сказала:

– Ладно, философ. Значит, друзья?

– Друзья! – ответил я.

Встала и ушла, унося улетучивающийся запах своих духов с аурой вспотевшего тела туда, где по-прежнему играла музыка, а пары еще ближе прижимались друг к другу. Только теперь их стало меньше. Хотя исчезнувших легко можно было найти неподалеку – под соснами на берегу или же на песке пляжа. Я закурил и смотрел ей вслед, пока она не затерялась среди танцующих. Сидел и думал: неужели это явь? Единственное, что нас как-то связывало: она была самой юной в женской половине группы, я же – младшим в мужской, хотя факт этот ни о чем большем не говорил.

Глава 7

В одно прекрасное утро график съемок пришлось поменять. Галя, утром отправившаяся к Медее, была выставлена ею вон. Мы с Вартаном доставили на пляж лишь ее партнеров.

– В чем дело? – занервничал Сократ.

Галина что-то ему шепнула. Он усмехнулся и засопел своей трубкой. Потом сказал:

– Снимаем Темура и Мераба. Крупные планы, а после сцену, где они выясняют отношения.

Вообще-то, в Сократе я раньше ошибался, полагая, что не очень-то башковитый это человек. Но уже одно то, что сниматься он пригласил не актеров, а, приумножив себе проблем, смог подобрать парней, в жизни так соответствующих своим экранным персонажам, делало ему большую честь. Мераб действительно являл собой образец мужского начала, хотя недалеким назвать его было нельзя, он трезво мыслил и все делал правильно, просто это в нем превалировало. Ему трудно было понять, что у других людей могли быть интересы и желания, не совпадающие с его собственными. Темур же, мне кажется, от рождения был человеком свободным, наделенным умом и внутренней чистоплотностью, что делало его совершенно чуждым амбициям. На все, что происходило вокруг, он лишь искал свой, собственный ответ.

И находил. Этого ему было вполне достаточно. Выбор оставался за Медеей, абсолютно непредсказуемой особой, и кто знает, кого из них она бы предпочла. Молодец, Сократ, совсем не просто было такую троицу найти. Написали бы ему нормальные диалоги для героев, снял бы и неплохое кино.

Леван умчался диктовать Кларе выписки нужного текста, Лию с Нодаром отправили подбирать типажи для масовки. Тедо начал что-то нервно чертить в своем альбоме. Нэмо с Симоном залезли в фургон. Вилен меланхолично щелкал затвором. Кафель Метлах, улыбаясь самому себе, выбирал пестрые зонты из своего реквизита. Кока у камеры о чем-то задумался. Крановщик Кола спросил: «Тележку готовить или кран?» Акакий ответил: «Пожалуй, тележку». Осветители ловили щитами солнечных зайчиков. Джемал, по обыкновению, вздремнул. Галя с Нуну о чем-то шушукались.

– Критические дни? – озвучил свою догадку эгоцентрист. Девушки заулыбались.

– Что это такое? – поинтересовался я.

– Поищи в медицинском словаре, – ответила рыжеволосая, потрепав мои волосы.

– Ты к ней пару дней не подходи, – посоветовала Галина. – Не то покусает.

– А когда я к ней подходил?

– Есть тому свидетели, – загадочно улыбаясь, ответила она.

– Так это она сама...

– Мило ворковали, – добавила Нуну.

– Не издевайтесь, – ответил я. – Мы просто разговаривали.

– Просто ничего не бывает, – выдал максимум Мераб. Не удовлетворившись этим, подумав, продолжил тему: – Те-мур, похоже, у нас еще один претендент?!

– Перед ним я снимаю шляпу и отхожу в сторону, – отшутился тот.

– И я с тобою, благородный рыцарь, – в рифму пропел ему супермен. – Бери, она твоя! – уже мне адресовал речитативом.

Я вроде бы понимал, зачем Мераб делает это, вспомнив, что он сказал о строптивых после нашего первого заплыва. Теперь, предавая гласности мой чисто дружеский интерес к небожительнице, он как бы воодушевлял меня. Немного смутившись и решив поменять пластинку, я спросил у Те-мура:

– Что это значит: критические дни?

– Согласно физиологии человека, специфические дни у женщин, – ответил он.

Я ничего не понял...

Когда съемки закончились и массовка разбрелась, Нодар наступил в песке на кем-то забытое или утерянное кожаное коричневое портмоне. Открыл его при мне, внутри была губная помада, небольшая косметичка и десятирублевая купю-

ра. Пошел к Симону, попросил объявить в свои динамики, что, мол, найден кошелек и что он у администратора группы. Симон так и сделал. Вскоре подошла девушка.

Нодар спросил:

– Ваш кошелек, он из чего?

Она ответила:

– Из заменителя кожи.

– Какого цвета?

– Коричневого.

– А что в нем было?

– Губная помада, косметичка и двадцать рублей.

Нодар аж онемел. Потом сказал ей: «Минутку!» Пошарив в карманах, нашел пятерку, попросил у меня еще пять и вручил собранную таким образом сумму владелице вместе со злосчастным кошельком, внутри которого лежала десятка. Девушка, лишь взглянув на портмоне, тут же его вернула вместе с деньгами.

– Простите, но это не мое, – сказала.

У Нодара будто камень с души свалился. Ведь он добавлял эти самые десять рублей из чувства самоуважения, ради того, чтобы, не дай бог, кто-нибудь из нас не подумал, что половину найденных пропил или прикарманил. Слишком порядочным был человеком этот выпивоха и полным достоинства, точно какой-то принц голубых кровей, хотя на генеалогическом древе его рода найти таких было нелегко. Сам Нодар, когда находился в сильном подпитии, обычно просил

присутствующих на секунду замолчать, поднимал вверх указательный палец и произносил: «Я сын сапожника, сыном сапожника и умру!» Своим происхождением очень даже гордился.

А владелица кошелька все-таки объявилась. Отдыхала девушка из Омска на Пицунде и приезжала с подругами в тот самый день, чтобы понаблюдать за съемками. После ей кто-то сообщил о найденной пропаже. Она получила все в целости и сохранности и, поблагодарив Нодара, угостила мороженым, которое он не употреблял с самого детства, даже изъявила желание остаться с ним, чтобы потом потанцевать. Нодар однако от танцев учтиво отказался, ибо не переваривал их, как и мороженое, хотя девушка ему была явно небезразлична. Владея русским далеко не в совершенстве, он сделал ей комплимент:

– Вы пьяница? – спросил.

Она захохотала:

– С чего вы взяли?

– Руки красивые, – ответил Нодар. Он подразумевал под сказанным игру на фортепиано, и девушка из Омска это поняла.

– Нет, я не пьяница, – сказала, – но выпить иногда люблю.

Тогда он пригласил ее отведать чачи, местной шестидесятиградусной виноградной водки, и девушка с удовольствием согласилась. Классический дуэт Нодара с Чичико был преобразован в трио. Буфетчик духана «У озера», в котором про-

ходило их дневное возлияние, божился, что женщина влила в себя чачи больше, чем оба мужчины вместе взятые.

Ближе к вечеру эту троицу, занимающуюся распеванием преимущественно русских песен, можно было лицезреть в кабинке самого знаменитого в Алахадзе железного коня на резинах,двигающегося по пересеченной местности под традиционный лай эскорта собак. Причем управление им взяла на себя девушка из Омска. Она же некоторое время спустя, когда голоса мужского дуэта приумолкли, вернула трактор в исходную точку мотопробега и, заглушив двигатель, вытащила из кабины обоих абсолютно недееспособных партнеров по пению. Тракториста внесла в дом и вызвалась помочь его супруге донести до кровати, приятно ту удивив. После, уложив в постель и администратора, обе вернулись на кухню, где Цира, выставив на стол графин вина с закуской и фруктами, проболтала с девушкой из Омска по имени Мария часа два, прежде чем та отошла ко сну, разделив ложе с Нодаром.

Глава 8

Коробки с отснятой пленкой раз в десять дней операторская команда складывала в яуф и с Юрой отправляла на поезде в Тбилиси. Там негатив проявляли и печатали позитив, тремя днями позже Юра возвращался обратно. Широкоэкранный формат нашего фильма нуждался в особой оптике, в клубе села Алахадзе таковой, естественно, не имелось, поэтому для просмотра материала приходилось ездить в Гагры. За двадцать с лишним километров, поздно вечером, когда в кинотеатре «Сухуми» заканчивался последний сеанс. Где-то к половине двенадцатого.

Юра вернулся, и Сократ вместе с Кокой, Тедо, Мерабом, Темуром и Медеей готовились отправиться на данный закрытый для остальных просмотр. Я, чуть ли не став на колени, напросился поехать с ними. Адский водила, не проронивший за всю дорогу ни слова, доставил нас на место. Войдя в пустой большущий зал, все разом чуть не задохнулись, такая стояла там вонь и духота. Противогоазы явно не помешали бы. Но их у нас не было. Мы расселись, вспыхнул экран, и пошли, сменяя друг друга, нескончаемые дубли сцен: Мераб и Медея, Медея и Темур, Темур и Мераб, потом отдельно Медея, Темур, Мераб, причем звука ведь не было, они на экране только рты открывали. Далее следовали кадры уже без их разговоров, крупные планы, средние планы, об-

ратные точки. Мераб своей мускулатурой вызывал восхищение женских особей из массовки. Темур почему-то смазывал себя кремом для загара. Медея, лежавшая под зонтом, поднималась на ноги, оглядывалась по сторонам, как бы желая увидеть кого-то, так и не увидев, снова опускалась на песок. На восьмом или девятом дубле повернула лицо к камере, и я безо всякого звука внятно услышал то, что она произнесла: «Хватит, е*и вашу мать!» Были проезды камеры по пляжу, снятые с операторского крана наезды на актеров и отъезды от них же, пейзажи заката в фантастических красках, это когда солнце опускалось в море. Они мне понравились больше всего среди увиденного, но в общем – скука была страшная. Помню, именно тогда я серьезно засомневался в правильности своего выбора, подумав: неужели это и есть – кино?..

И вот появилось на экране именно то, на что разинув рот глазел я в самый первый свой день пребывания на съемках, – рожденная из пены выходила на берег. Однако как раз в момент кульминации моего интереса к картинке на экране глаза мои неожиданно были плотно прикрыты двумя ладонями, и одновременно с этим актом принуждения я услышал шепотом сказанное: «Молчи». Медея до того сидела где-то сбоку, я даже не заметил, как она оказалась позади меня. Совершив пару вращательных движений головой, я все равно не смог высвободиться, да, честно говоря, и не особенно хотелось вновь становиться зрячим – ее руки, как бы обнимающие мое лицо, вызвали во мне какое-то приятное оцепе-

нение. Одно лишь было непонятно – зачем она это делала. Так длилось сколько-то времени, пока, видимо, не прошли все дубли этого самого кадра, тогда она меня из своих «объятий» и выпустила. Я обернулся к ней, но она, приложив палец к губам, лишь снова шепотом произнесла: «Тсс!..»

Экран погас, в зале зажгли свет. Несколько минут прошло в полном молчании. Далее Сократ поинтересовался, нет ли у кого каких-либо замечаний. Тедо сказал, что кадры захода потрясающи и что неплохо бы снять на подобном фоне Темура с Медеей для финала. Сократ, подумав, ответил, что это идея. Желания высказаться больше ни у кого не нашлось, и мы вышли на свежий воздух. Вартан с коробками пленки ждал нас в своем кабриолете. Медея первой влезла туда, устроившись в самом конце бокового сидения. Мераб подтолкнул меня, и я оказался рядом с ней. Следует добавить, что после того вечернего нашего диалога мы с ней практически не общались. Все наконец расселись. Сократу, скорее даже не по иерархии, а исключительно из-за его габаритов, всегда доставалось место рядом с водилой. Приличная скорость машины в лунной ночи освежала нас приятным ветерком, в тишине слышно было лишь шуршание шин по асфальту, говорить было не о чем или лень, потому все молчали. Минут через пятнадцать я ощутил некую тяжесть на своем плече, подвигал глазами и увидел, что на него склонила голову уснувшая Медея. Посмотрел на сидящих напротив. Мераб мне подмигнул, Темура с Кокой вроде ничего и не замети-

ли. Тедо занимался созерцанием луны и света фар, освещавших наш путь. Она дышала мне в шею, дыхание было теплым и необъяснимо чем приятным. Я замер, стараясь не шелохнуться, моля бога, чтобы Вартан не въехал вдруг в какую-то случайную рытвину на дороге и ненароком ее не разбудил. Закрыв глаза и, кроме ее дыхания, ничего больше не чувствуя, дал волю воображению, представив себя очутившимся в пучине бескрайних океанских просторов. Совсем как пьяный корабль.

Снилось мне в снегопадах, лишаяющих зренья,
Будто море меня целовало в глаза...

Я пребывал в какой-то эйфории и ощущал себя самым счастливым человеком на земле. Не знаю уж отчего. Она всего лишь положила голову мне на плечо. Причем во сне, то есть несознательно.

Адский водила тормознул у ее дома, но она не проснулась. Я притронулся к ее щеке, намереваясь таким образом разбудить. Она открыла глаза и шарахнулась от меня, точно увидела какого-то вурдалака.

– Чего надо?! – спросила.

– Ничего, – ответил я.

Спросонья она еще раз на меня посмотрела и сказала:

– Не смей прикасаться ко мне.

– Он тебя не трогал, – вступился за меня Акакий. – Ты

заснула у него на плече. Лучше улыбнись ему, а не ругайся.

– Еще чего?! – сказала она на прощанье.

Я вылез из машины и поплелся рядом с Темуром.

– Ты видел?! – обратился к нему. – Она не позволила мне посмотреть кадр, где выходила из воды.

– Ну и что?..

– Почему? – вопросом на вопрос ответил я.

– Послушай, ты видел женщин в мокром нейлоновом купальнике?

– Видел, конечно же, и что с того?

– А то, что самые интимные части женского тела видны при этом наиболее четко: груди, например, то, что пониже живота. А на экране, тем более широко, все это смотрится как в лупе.

– Вам же смотреть она не запрещала.

– Похоже, что ты ей небезразличен.

– Но когда фильм будет готов, его увидят зрители...

– Ей на них наплевать.

– Но ведь тогда и я буду в их числе.

– Не знаю, что будет тогда, пока же ты – единственный, кого она стесняется. Теперь понятно?

– Нет, – ответил я. – Какого черта ей меня стесняться? Кто я для нее?

– Катись домой и выпишись. Может, к утру в голове у тебя просветлеет.

Но ночью мне не спалось. Я глядел на потолок, хотя ни-

чего в нем так и не увидел, и пытался думать. Но и с этим ни черта не получалось, мысли мои переплелись и запутались, загнав меня в какой-то вроде бы знакомый по мифологии лабиринт, выхода из которого я не знал, и единственным шансом на спасение мне должна была быть дарована нить Ариадны. Ариадны, но с другим именем – Медея.

На что я надеялся, сам не знаю. На то, что эта самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, проявит ко мне интерес?

Я поднялся еще до того, как зазвонил будильник. Отключил его. Умылся, закурил и отправился будить Галину.

Глава 9

В перерыве между съемками Медея поманила меня рукой.

– Ну, чемпион, готов? – спросила.

– К чему?

– Помочь мне побороть свою фобию.

– Конечно, – обрадовался я.

– Тогда в воду!

И мы с ней поплыли. Я – вроде бы кролем, который к тому времени чуть освоил, она – тем брассом, как тот же я во время своего первого с Мерабом заплыва. Плыли мы долго, с перерывами, когда она уставала, останавливались. Перевернувшись на спину, расставив руки и ноги, как на рисунке да Винчи, решившего задачу квадратуры круга, она таким образом отдыхала, держась на воде, точно поплавок. Особых признаков беспокойства не проявлял и я, чтобы ее не напрягать, молчал, лишь иногда улыбаясь, полагая, что этим подбадриваю. Покрыли дистанцию мы примерно минут за сорок, а когда подплыли к бую, то сказал:

– Я нырну, ты стань мне на плечи и подтянись, иначе туда не попадешь.

– Ладно, – ответила.

Проделили мы все довольно ловко, будучи уже наверху, она протянула мне руку, однако, мотнув головой, я наподобие гуру Мераба взобрался на платформу сам.

– Ну как, конец твоим страхам?

– Вроде да, – ответила.

Мы лежали рядышком и смотрели в небо, голубое, без облаков. Она сказала:

– Совсем как на необитаемом острове.

– Да, – согласился, – хотя пищи нам здесь не найти.

– В этом-то вся прелесть.

Не врубившись, какая могла быть в этом прелесть, я спросил:

– Ты хотела бы пожить как Робинзон Крузо?

– Да, – ответила. – Но чтобы у меня был Пятница.

– Не верится, чтобы тебя привлекала спокойная жизнь.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел, как ты танцуешь.

– Ни хрена ты не видел. Танцы – это отключка, как побег из тюрьмы или же – из реальной жизни.

– Она что, тебе не нравится?

– Не все, конечно, но многое в ней не может нравиться.

– Например?

– Пофилософствуем в другой раз, – ответила. – Лучше скажи, девственник, ты хоть целовался с кем-нибудь?

Я рассмеялся.

– Эта платформа – какая-то исповедальня. То Мераб меня допрашивал, теперь ты.

– Значит, нет?

– Значит, да. Один раз, в девятом классе. Мы покрутили

бутылку, и меня поцеловала одноклассница. Признаюсь, что было очень приятно.

– И куда одноклассница делась?

– Вышла замуж.

– Итак, ты жертва безответной любви.

– Я не был в нее влюблен.

– Почему тогда поцелуй запомнил?

– Потому что другого не было, я же говорил.

– Хочешь, я его повторю?

Я подумал, что ослышался.

– Шутка? – спросил.

– Вовсе нет, – она чуть придвинулась ко мне и на секунду губами коснулась шеи чуть ниже лица. Внутри меня все задрожало. Как я с этой платформы не свалился, ума не приложу.

– Ну как? – спросила уже она.

– Опять меня точно током ударило. Двести двадцать вольт.

Она усмехнулась.

– Поцелуев теперь два. Значит, у тебя есть выбор.

– Да, – согласился, еще не придя в себя. – Выбирать будет нелегко.

– И все же: мой или ее?

– Твой, – сказал, почти уверовав в это. – И хватит меня доставать, расскажи лучше что-нибудь о себе.

– А ты не станешь падать в обморок?

– Постараюсь.

– Я спала с отцом своей лучшей подруги. Ему тридцать восемь лет.

– Замолчи, – чуть ли не закричал я. – Пожалуйста, заткнись. Я не хочу это слушать.

– Ты что, ревнуешь?

– При чем тут ревность. Несешь какую-то чушь.

– Мы же друзья, верно?

– Друзья, – повторил за ней я.

– А что ты мне говорил о дружбе? Два человека как одно целое. Никаких секретов. Или ты мне врал, трепло!

– Я тебе не врал.

– Тогда что тебя так удивило?

– Есть вещи, о которых не говорят. Это твое личное, так и держи его при себе.

– Похоже, ты мне не друг! – сказала она.

Встала и прыгнула с буя вниз головой, притом так, что даже всплеска за этим не последовало, как какая-то нерешительность. А вынырнув где-то метрах в десяти, поплыла дальше великолепным стилем, еще быстрее, чем делал это лучший наш пловец, Мераб. Я смотрел на это, глазам своим не веря, невозможно описать то, что происходило внутри меня. Сначала я на нее обозлился, ибо она соврала про свою водобоязнь и оставила меня в дураках, после, помянув ее поцелуй, я загорелся ненавистью к незнакомому мужчине, тому, с которым она переспала. Потом стал злиться уже на себя,

тупоголового. Меня грызли сомнения, действительно ли она сказала мне правду или опять водила за нос, дурача, чтобы снова выставить полным идиотом. И в то же время я испытывал неподдельное восхищение по отношению к ней, ибо все, что она ни делала, казалось мне самым странным, нелогичным и... правильным.

На берегу Медея была, наверное, уже с полчаса, прежде чем доплыл туда я. Первым делом подошел к Мерабу, пожаловался:

– Она меня надула, сказала, что боится воды.

Он рассмеялся.

– У нее разряды по плаванию и теннису. Ты не знал, Ромео?

Я лишь развел руками в ответ.

Разыскал ее в роще, рискнув, приблизился и пробормотал:

– Извини, если можешь. Я был неправ. Если мы друзья, я обязан выслушать все, что бы ты мне ни говорила. И я готов. Прости меня.

Она на меня лишь взглянула, так и не ответив ничего.

Глава 10

Этот день в нашей таборной жизни, по-моему, несколько отличался от остальных. Медея лезла на рожон с самого утра, капризничала, придиралась ко всем по разным пустякам, говорила людям то, чего они, безусловно, не заслуживали. Грубила Сократу, когда он корректировал что-то в ее игре, кричала на осветителей, слепивших глаза, доставалось и партнерам по ходу сорванных дублей разных сцен. Скандалила по поводу напутанного ими текста, хотя больше них грешила этим сама. Послала на три буквы Владимира Ильича Ленина вместе с его фотокамерой. Тот ныл до самого вечера, выясняя, с какой стати его туда отправляли, и умолк лишь тогда, когда Гога ему предложил:

– Накатай на нее телегу.

А Виталик добавил:

– В горком...

Особенно почему-то наезжала на девушек – Галю и Нуну. Первая, по многу раз в день накладывая ей грим и выслушивая при этом разные гадости, выглядела внешне абсолютно спокойной. Второй же, по роду деятельности вообще с ней не соприкасавшейся, оставалось лишь догадываться, какая муха ту укусила. Лия, по долгу службы отвечавшая за актеров, тем не менее предпочитала в конфликты не ввязываться, произносить вслух свое любимое «а мне все г'авно» вро-

де бы не имела права, поэтому время от времени, покачивая головой под соломенной шляпой, она вполголоса шипела: «Стег'ва!..» Мужская половина, как правило, звезде не перечила, зная характер и учитывая возраст. Мераб, наступая на горло собственному эго, пропускал словесное бомбометание мимо ушей, Темур относился ко всем ее выходкам довольно лояльно, полагая, что человек – частичка природы, в нем заложено все, что происходит со стихией. Резкие смены настроения, внезапные вспышки гнева вполне сравнимы с непредсказуемыми ураганами, сходами лавин или же землетрясениями на нашей планете. Умудренный его теорией и вполне разделяя ее, я все же старался держаться от Медеи подальше. Но и мужскому терпению иногда приходит конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.